

профиль артиста

ИХАИЛ ЦАРЕВ играет Маттиаса Клаузена в новом спектакле Малого театра «Перед заходом солнца». Это спектакль большой впечатляющей силы, спектакль глубоко современный.

Гауптман написал свою пьесу в 1932 году, написал в преддверии прихода фашистов власти. «Перед заходом солнца» — семейная, психологическая драма. Но в конфликте издателя и ученого Маттиаса Клаузена с его своеобразной, эгоистичной и жестокой семьей заключены были зерна будущей трагедии, которая развернулась в Германии: столкновение людей гуманистической культуры с темной фашистской нечестивостью, захватившей страну.

Режиссер Л. Хейфец подошел к пьесе, опираясь на опыт человечества, уже видевшего страшный лик фашизма и выигравшего победоносную войну против него.

Постановщик преобразил и сам облик пьесы, приблизив его к тому, что у нас в критике определяется термином «современное искусство». В этом помог ему новый перевод Л. Лунгиной, снявшей с

УРОКИ ЦАРЕВА

пьесы известную романтическую приподнятость, сделавшей ее более жесткой и прозаичной. Режиссер сжал пьесу, освободил ее от классически замедленной экспозиции, сделал более лаконичной и динамической. Освободил он ее и от бытовой окраски, выдвинув вперед философскую концепцию. Конечно, от этой операции пьеса кое в чем пострадала. Исчезли некоторые идеино важные куски, раскрывающие мировоззрение Маттиаса Клаузена и его противников. Пропали и некоторые бытовые краски.

Все это накладывает на актеров дополнительные трудности. Их преодолели великолепные мастера Малого театра, прежде всего преодолел Царев. Он играет Клаузена сдержанно и скрупульно, играет почти не повышая голоса, играет на полутонах, перенося центр тяжести на внутреннюю содержательность исполнения.

Конечно, такая трактовка вытекает из замысла постановщика, но у большого мастера Царева нашлись краски и возможности осуществить этот замысел.

Царев играет немецкого интеллигентного гуманиста, человека большой культуры, сохранившего живую душу.

Уже в первой сцене спектакля мы чувствуем за респектабельной внешностью этого похожего на старого Гёте человека его внутреннюю порядочность и внутреннюю значительность, чувствуем и то, что почести не представляют для него ничего существенного. В разговоре с профессором Гайгером (его тактично, умно и тонко играет Е. Велихов) перед нами раскрывается и душевная молодость Клаузена.

Мастерство актера, умеющего в очень лаконичной форме раскрыть большие чувства, великолепно проявляется в сцене с детьми, после того как они изгнали Инкен. Сдерживая себя и обмениваясь со всеми вежливыми репликами, Клаузен — Царев постепенно обнаруживает то раздражение и возмущение, которые нарастают в нем под влиянием бессердечия и злой бес tactности его детей.

Дополнительные краски вносят в образ Клаузена Царев в сцене объяснения с Инкен (Н. Вилькина). Когда он во время этого объяснения читает ей Гёте, он доносит в этих словах не только яркость и силу старческой любви, но и глубочай-

шую гуманистическую культуру Клаузена, словно ставшую его второй натурой.

Особенно труден последний акт. Артисту надо сыграть безумного Лирика XX века.

Изображая обезумевшего Клаузена, очень легко впасть в мелодраму или патологию. Но Царев и здесь нигде не переходит границ художественности, и здесь безуказиенно сдержан, точен и правдив.

Мастерство актера, искусство детали проявляются в том, что мы с первого его появления чувствуем душевное смятение, которым охвачен Клаузен. Артист все время несет мысль, и эта мысль потрясенного и ошеломленного, полубезумного человека везде облекается в правдивую форму.

Слова Клаузена о том, что любовь его умерла, сцена самоубийства Клаузена, поступившего в духе любимого им Марка Аврелия, — все это сыграно артистом с проникновенной силой, глубиной и пластической выразительностью.

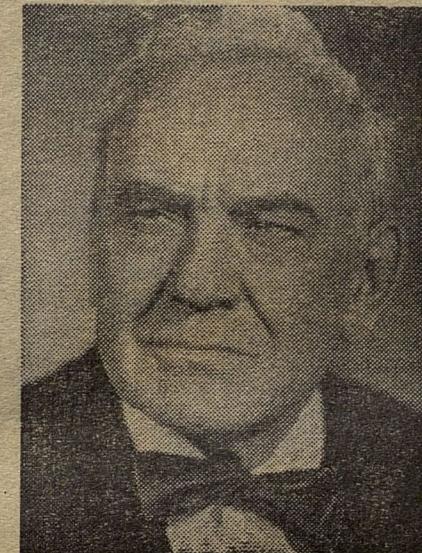
Исполнение Царева современно во всех смыслах этого слова. Оно современно в том смысле, что несет тему гуманистического протesta против варвар-

ского общества. Рано появилась в искусстве Царева и еще одна категория образов. Это типы русских людей — мягких и деликатных, наделенных большой душевной чистотой и неприемлющих зло жизни. Таков его Федя Протасов из «Живого трупа», словно открытый людям и не способный жить в мире лжи и обмана. Таков его дядюшка из «Села Степанчикова» — одна из лучших и недостаточно оцененных ролей Царева.

Мы хотим привести отзыв об этом со-здании артиста, принадлежащий такому тонкому художнику, как А. Г. Коонен:

«...Он устойчив в своем стремлении к добру и... неустойчив в своих действиях. Ростаневу в исполнении Царева сочувствует, когда он произносит горячие речи, упрямо отстаивая то, во что глубоко верит, — вы видите, какая это благородная натура. Царев «поднял» образ Ростанева, сделал его значительным, весомым. Актер не ограничился, как это бывает, внешней характерностью. Его отставной полковник, вопреки своей грубоватой наружности, деликатен, застенчив. Его любовь к Настеньке Царев очаровывает романтикой, поэтичностью. И становится понятным, что такого обаятельного, непосредственного человека — пусть он и не молод — могла полюбить юная девушка».

Царев никогда не был ограничен уз-

«Перед заходом солнца». Маттиас Клаузен.

УРОКИ ЦАРЕВА

ства и жестокости, насилия над человеческой личностью. Оно современно и в том смысле, что несет правду чувства без внешних искусственных приемов. Созданный Царевым образ увлекает своей масштабностью и цельностью.

Михаил Иванович Царев был учеником блестательного русского артиста Ю. М. Юрьева, мастера романтического и классического театра. Эта школа много дала Цареву: умение владеть стихом, свободу и раскованность голоса, романтическую приподнятость.

Без этой школы Царев не смог бы стать одним из лучших Чацких русской сцены и с таким законченным мастерством сыграть Арбенина в «Маскараде». Но именно с этим было связано представление о Цареве как о «старомодном» актере, носителе условных романтических приемов.

Представление это неверно хотя бы потому, что романтическая школа русского театра никогда не противостояла реалистической правде чувств и переживаний.

Да, обладающий превосходными актерскими данными Царев занял и на сцене Академического театра драмы имени Пушкина, и в театре Мейерхольда, где он пробывал сравнительно недолго, и в Малом театре амплуа героя-любовника, играл те роли, которые полагалось актеру этого типа играть. Но и в таких ролях он достигал большой жизненности и человечности, настоящей художественной правды.

В персонажах Царева часто выступают веселость и озорство. Эта веселость и озорство были в его доне Сезаре де Базане — романтическом дворянине из пьесы Гюго «Рюи Блаз». Они были в его Чацком, порывистом, задорном, сыплющем эпиграммы. Но это не помешало Цареву показать, как созревает мысливший и борец.

С умением передавать озорство и веселость связан и замечательный образ Глумова в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты». Малый театр знает блестящих классических Глумовых. Царев бесспорно один из них. Глумов Царева очень молод, это легкомысленный молодой человек, прирожденный лицедей, который играет и разыгрывает окружающих, смеясь над их пороками. В этой игре он где-то проявляет легкомыслие, переиграл и сорвался.

Разнообразие человеческих типов, доступных искусству Царева, особенно ярко заметно в его последних работах, где он проявил себя и как талантливый характерный актер.

В пьесе М. Горького «Старик» Царев сыграл две роли. Страшного своим коварством и вероломством Старика и нашедшего свой путь в жизни Мастакова, жертвы подлости и предательства.

В «Оптимистической трагедии» Вс. Вышневского Царев опрокидывает представление о Вожаке как о стихийном и темном человеке. В лаконичной и обобщенной форме артист точно и безошибочно раскрывает сущность изощренного политика, провокатора до мозга kostей — этакое человеческое отребье, примазавшееся к революции.

И другого врага сыграл Царев — в пьесе С. Дантулова «Признание». Это Илья Репин — старый дворянин, враг не только непримиримый, но по-своему честный и убежденный. В Илье Репине, сыгранном Царевым без всякого схематизма, есть даже известное благородство, но все жизненные связи и классовые симпатии ставят Репина в положение противника революции.

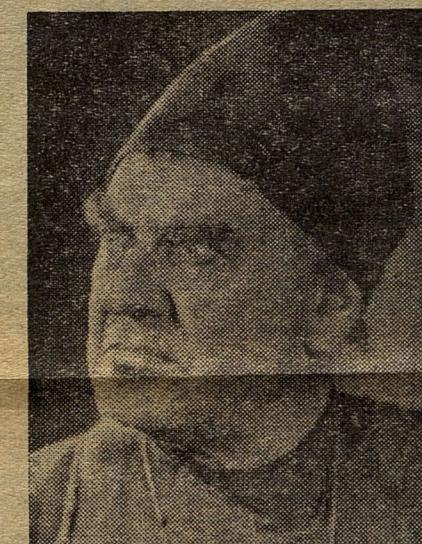
Да, реальный Царев далек от сложившегося в свое время однобокого представления о «старомодном» романтическом актере. Умение Царева нести мысль, выражать ее в лаконичной, сдержанной форме, помогает ему общаться, лепить выпуклые, масштабные характеристики. А это ведь и есть главное качество современного актера. И качество поучительное.

Таковы уроки одного из крупнейших артистов современности Михаила Ивановича Царева.

А. ШТЕЙН,
доктор искусствоведения

«Оптимистическая трагедия». Вожак.

«Старик». Старик.
Фото И. ЕФИМОВА